

Н. А. ЗЕЛИНСКАЯ

профессор кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии, доктор юридических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Глобализация является всеобъемлющим процессом, затрагивающим экономические, политические, информационные, культурные, социальные и правовые тенденции. Она подразумевает возрастание уровня взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами. Интенсификация этих процессов способствует расширению функций и сфер ответственности государства, с одной стороны, и эрозии его возможностей эффективно справляться с предъявляемыми к нему требованиями – с другой стороны. Товары, капиталы, люди, знания, оружие, наркотики и т. п. стали легко пересекать государственные границы. Транснациональные сети проникли почти во все сферы человеческой деятельности¹. Глобализация и развитие технологий принесли обществу многочисленные блага, но они открыли также новые возможности для совершения преступлений и для преступников².

Как подчеркнул в своем докладе Генеральный секретарь ООН, открытие рынков и продолжающийся процесс глобализации, появление новых коммуникационных технологий и серьезные успехи правоохранительных органов – все это привело к тому, что характер, масштабы и влияние преступности заметно изменились за последние десять лет. Преступность распространилась на многие страны, поэтому обнаружение преступников затрудняется, а международное сотрудничество становится как никогда важным. Факты говорят о расширении сферы деятельности организованной преступности как в географическом, так и в отраслевом отношении. В результате этого транснациональная преступность, ориентированная на конкретную деятельность, постепенно приобретает характер трансконтинентальной и многопрофильной преступности – современные преступные организации занимаются контрабандой всего, что приносит прибыль, начиная с наркотиков, культурных ценностей, ядерных материалов и оружия и заканчивая людьми³.

¹ Гаджиев К.С. Введение в геополитику : учебник для вузов / К.С. Гаджиев // Изд. 2-е, доп. — М., 2002. — С. 89.

² Доклад одиннадцатого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок, 18–25 апреля 2005 года. — UN Doc. A/CONF.203/18. — П. 45.

³ Укрепление Программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в частности ее потенциала в области технического сотрудничества. Доклад Генерального секретаря A/59/205. — П. 54.

Современные террористические организации обладают разрушительной мощностью, сравнимой с мощностью вооруженных сил крупного государства. Международный терроризм представляет реальную угрозу внутренней и внешней безопасности государств, мирным взаимоотношениям между ними, развитию и функционированию демократических институтов и принципов. Новые жестокие формы терроризма, связанные с распространением организованной преступности и коррупции, причиняют огромные страдания значительной части мирового населения и все чаще рассматриваются в качестве глобальных угроз миру и безопасности¹. Международная преступность представляет собой глобальную проблему, что обуславливает необходимость глобальной реакции.

Беспрецедентное возрастание масштабов и опасности международной преступности обуславливает повышение значения международного сотрудничества в противодействии ей и, соответственно, научных исследований в этой сфере. Правовой базой таких исследований являются уголовно-правовые аспекты международного права и международно-правовые аспекты национальных уголовно-правовых систем, то есть с одной стороны, «межгосударственное публичное международное уголовное право» (*interstate public international criminal law, Volkerstrafrecht*), с другой – внутригосударственное международное уголовное право («*municipal*» или *domestic*» *international criminal law*)². Эти аспекты имеют определенное феноменологическое единство, и необходимость их изучения предопределяет существование комплексной научной дисциплины, охватывающей все направления международного сотрудничества в противодействии преступности. Для ее обозначения широко используется термин «международное уголовное право».

Доктрина международного уголовного права начала свое существование с исследования проблем взаимодействия государств в осуществлении мер уголовной репрессии и охватывала все вопросы, лежащие на стыке международного права и национальных уголовно-правовых систем (преимущественно, регламентацию уголовной юрисдикции и применимого права в отношении преступлений с иностранным элементом, то есть проблемы, аналогичные тем, которые возникают в процессе рассмотрения гражданских дел и относятся к «коллизийному» или «международному частному праву»).

Существование международной преступности не является специфической чертой современности. Этот феномен проявлял себя в разные времена и присущ разным культурам и обществам, имеет самые различные политические, экономические, исторические, культурные корни. Считается, что аналог термина «*international criminal law*» – «международное уголовное право» – появился в немецкой юридической лексике в 1862 г. Л. фон Бар рассматривал

¹ Предупреждение преступности и уголовное правосудие. Укрепление Программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в частности ее потенциалов области технического сотрудничества. Доклад Генерального секретаря. — UN Doc. A/59/205. — П. 1.

² См., например: Szaszy I. Conflict-of-laws Rules in International Criminal Law and Municipal Criminal Law in Western and Socialist countries //International Criminal Law. — Vol. II. /Compiled and edited by M.C. Bassiouni, V.P. Nanda. — Harles C. Thomas—Springfield, 1998. — P. 135.

международное уголовное право отдельно от международного частного права¹. Как известно, термин «*private international law*» – международное частное право – был применен Дж. Стори в 1834 г. Дж. Стори посвятил главу своего трактата о конфликтах права (*Commentaries on the Conflict of Laws*) коллизиям в уголовном праве. Поскольку международное уголовное право изначально считалось правом, регулирующим узкую сферу вопросов, касающихся юрисдикции внутригосударственных уголовных судов, некоторыми авторами оно не причислялось к международному публичному праву и относилось к частному международному праву. С другой стороны, многие ученые категорически не соглашались с той точкой зрения, что международное уголовное право связано с международным частным правом. Исходя из того, что международное частное право является частью частного права, а уголовное право, в свою очередь, – частью публичного права, они считали, что граница между частным и публичным правом столь четко и жестко определена, что ничто, связанное с публичным правом, не может быть квалифицировано как часть международного частного права.

«Как доктрина, международное уголовное право, с самого начала, фактически включало в себя целый спектр проблем, связанных с международными аспектами применения внутренних систем уголовного права», – подчеркивает Э. М. Вайс². В XIX в. концепция международного уголовного права была сфокусирована, преимущественно, на теориях национальной уголовной юрисдикции и вопросах взаимной юридической помощи государств по уголовным делам. Термин «международное уголовное право» широко использовался специалистами в области международного и уголовного права для обозначения правовых норм внутригосударственного и международно-правового характера, регламентирующих международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Уже тогда он вызывал острую критику и получал самые различные интерпретации³.

В. Э. Грабарь, проанализировав работы российских ученых до начала XX в., сделал вывод о том, что «международное уголовное право содержит начала и нормы уголовного права, направленные на борьбу с преступлениями, посягающими на блага всех государств или определенной части их»⁴. Интернационализация преступности неизбежно влекла за собой интернационализацию ответных мер общества. «Без посторонней помощи отправлять свою судебную деятельность государство может только в тех пределах, в которых ему принадлежит принудительная власть. Вне этих пределов оно нуждается в содействии других государств. Международное право стремится именно дать возможность каждому государству преследовать уголовным

¹ Буткевич В.Г. Міжнародне кримінальне право / В.Г. Буткевич // Міжнародне право. Основні галузі / За ред. В.Г. Буткевича. – Київ, 2004. – С. 681.

² Wise E.M. Terrorism and the Problems of an International Criminal Law / E.M. Wise // Connecticut Law Review. – 1987. – № 19. – P. 804.

³ См.: Лист Ф. Международное право в систематическом изложении : пер. и ред. В.Э. Грабаря / Ф. Лист. – Юрьев (Дерпт), 1909. – С. 312.

⁴ Грабарь В.Э. Материалы к истории международного права в России (1647 – 1917) / В.Э. Грабарь. – М., 1958. – С. 456.

путем каждое посягательство на охраняемые его правом интересы, где бы оно ни было совершено», – подчеркивал декан Новороссийского университета П. Е. Казанский (1904)¹.

Многие авторы XIX ст. признавали существование «нравственной обязанности» государств солидарно преследовать лиц, обвиняемых в совершении правонарушений, которые отличаются универсальной наказуемостью². В это время была популярна так называемого «этического минимума». «Право есть низший предел или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный», – писал в 1897 г. В. Соловьев³.

Под влиянием этого процесса международное уголовное право вышло за пределы регламентации судебной помощи по уголовным делам: координация совместных усилий государств по противодействию преступности вошла в сферу интересов международного уголовного права, существенно расширив его концептуальные рамки. Особую значимость приобрела проблема гармонизации мер уголовной репрессии. «Идея сближения человечества, а равно охраны человеческой личности и её правовых интересов, в области международного права должна была выдвинуть, несомненно, вопрос и об объединении норм права, охраняющего личность и её интересы во внутренней государственной жизни, – замечал Н. А. Захаров (1917), подчеркивая, что «нормы уголовного права более поддаются объединению, так как понятие уголовного преступления является более или менее одинаковым в государствах культурного мира»⁴.

На развитие концепции международного уголовного права значительное влияние оказало так называемое «унификационное движение». В работах, посвященных проблеме унификации уголовного законодательства, выдвигалось учение о деликтах, международных в особом, «квалифицированном» смысле. Профессор В. Пелла выделял в качестве объектов международной репрессии те деяния, «которые посягают на основы существования всякого цивилизованного коллектива». Для обозначения таких деликтов использовалась римская формула «*delicta juris gentium = delicts des gens*», означающая преступления против международного права, «общечеловеческие» преступления. Такие «ультрамеждународные» посягательства характерны тем, что обращены не против того или иного политического строя, а против всякого культурного общения, против самого существования современного государства. Профессор Сальдана предлагал «философское понятие интернационального деликта». Он утверждал, что с точки зрения философской, международный деликт – это естественный и всеобщий деликт, посягающий на «естественное право» народов и приводил определение естественного права народов, данное римским юристом Гаем: «Правом народа зовется тот всеми народами тщательно

¹ Казанский П. Учебник международного права публичного и гражданского / П. Казанский. – О., 1904. – С. 481.

² Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников / А. Штиглиц. – СПб., 1882. – С. 31.

³ Цит по: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : Лекции. Издание второе, пересмотр. и доп. / Н.С. Таганцев. – Том 1. – СПб. : Государственная типография, 1902. – С. 37,

⁴ Захаров Н.А. Курс общего международного права / Н.А. Захаров. – Петроград, 1917. – С. 231-232.

оберегаемый порядок, который естественный разум устанавливает среди всех людей»¹. В октябре 1933 года на 5-й Конференции по унификации международного уголовного права профессор Р. Лемкин предложил объявить «*delictio juris gentium*» действия, направленные на уничтожение этнических, религиозных и социальных сообществ². По обоснованному мнению М. В. Буроменского, в этот период международно-правовая доктрина значительно опередила практику. В действительности государства еще не были готовы к применению метода унификации уголовного законодательства³.

В ходе острой дискуссии, осложненной политическими и идеологическими противоречиями, на протяжении всего XX в. шло интенсивное развитие международного сотрудничества в противодействии все более интернационализирующейся преступности. Две мировые войны этого столетия, явившие миру злодеяния невиданного ранее масштаба и цинизма, с особой остротой поставили вопрос об учреждении органов международной уголовной юстиции, облеченных правом осуществлять уголовное преследование от имени мирового сообщества. Революционное значение для развития международного уголовного права имело учреждение Нюрнбергского трибунала, положившее начало практическому осуществлению этой идеи.

Международное преступление индивида как персонифицированное преступление государства и основание индивидуальной уголовной ответственности по международному праву – такое понятие международного преступления утвердилось в связи с созданием и деятельностью Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками второй мировой войны. Оно было принципиально отлично от «национального» преступления. Нюрнбергским и Токийским прецедентами международное право реализовало свою собственную конструкцию международного преступления, обнаружив способность криминализировать деяние, не являющееся преступлением по национальному праву.

После второй мировой войны стала складываться система норм, устанавливающая преступность деяния и подчиняющая его своей юрисдикции. Она стала функциональным аналогом национального уголовного права и получила название «международное уголовное право *stricto sensu*». Это существенно изменило направление дискуссии относительно содержания рассматриваемого понятия и придало ей дополнительный импульс. Ныне одни ученые признают существование международного уголовного права в узком значении, отрицая широкую концепцию, другие – поддерживают широкое толкование, сомневаясь в существовании международного уголовного права *stricto sensu*, третьи – отрицательно относятся к самому термину «международное уголовное право» как не вполне корректному. Некоторые специалисты исключают существование международного уголовного права на основании того, что не

¹ Цит. по: Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / А.Н. Трайнин. – М., 1969. – С. 35.

² Там же. – С. 29, 37.

³ Буроменський М.В. Деякі судження про поняття міжнародного кримінального права / М.В. Буроменський // Вісник Академії правових наук України : збірник наукових праць. – № 2 (33) – 3 (34). – С. 352.

существует центрального правотворческого и правоприменительного органа. Многие ученые, рассматривая международное уголовное право сквозь призму национально права, сосредоточивают свою критику на аргументации незрелости международной уголовно-правовой системы и ее несоответствии представлениям и требованиям внутригосударственного права.

В 1950 г., на фоне всеобщего энтузиазма относительно перспектив международной уголовной юстиции, связанного с деятельностью Нюрнбергского и Токийского трибуналов, известный британский ученый Дж. Шварценбергер весьма резко высказался против международного уголовного права. По мнению Дж. Шварценбергера, возникшая в XIX ст. континентальная доктрина принадлежит не международному, а внутригосударственному праву. Проанализировав шесть вариантов трактовки этого понятия, Дж. Шварценбергер пришел к заключению, что международного уголовного права в истинном смысле не существует: данный термин содержит в себе противоречие, поскольку предполагает наличие надгосударственной власти. Отсутствие власти, которая была бы способна применять право по отношению ко всем государствам, включая те, которые имеют право вето в Совете Безопасности ООН, лишает международное сообщество наиболее существенного условия, от которого зависит уголовное право. Дж. Шварценбергер подчеркивал, что как отдельная отрасль международного права «международное уголовное право» еще не развилась¹.

Серьезные сомнения в том, что современное международное сообщество имеет социально-политическую базу, необходимую для создания системы уголовного права, аналогичной национальным системам, выражал Э. М. Вайс. Сомнения относительно реальности существования международного уголовного права в *stricto sensu*, в конечном счете, опираются на скептицизм относительно реальности существования подлинно международного сообщества. Международная система, по мнению Э. М. Вайса, имеет очень слабую степень единства и не составляет «международное сообщество», а без такого не может быть никакого международного уголовного права. Тем не менее, Вайс охотно признает широкую концепцию международного уголовного права. «Несмотря на то, что международное уголовное право в широком смысле может напоминать некую гетерогенную массу норм, эти нормы отражают цели уголовного права и процесса в международном контексте и, в конечном счете, составляют тематическое единство, образующее «международное уголовное право, – пишет он. – Во всяком случае, никто не возражает против того, что они заслуживают быть объединенными для изучения под одним заголовком»².

Множественность и неопределенность значений, вкладываемых в термин «международное уголовное право» не стали препятствием для его дальнейшего использования: лаконичное обозначение обширного комплекса проблем, связанных с взаимодействием национальных уголовно-правовых систем и учреждением международной уголовной юстиции, сохранило свою привлекательность. Несмотря на критику, концепция международного уголовного

¹ Schwarzenberger G. The Problem of an International Criminal Law / G. Schwarzenberger // Current Legal Problems. – 1950. – № 3. – P. 63-96.

² Wise E. M. Terrorism and the Problems of an International Criminal Law. – P. 819, 806.

права утвердилась в мировой юридической литературе. Более того, понятие «международное уголовное право» становится все более востребованным в современной юриспруденции¹. В ее формировании активное участие приняли советские юристы². Нужно признать, что в СССР в период «холодной войны» отношение к этому термину было весьма настороженным. Тем не менее, отсутствие терминологического единства не препятствовало активному научному исследованию вопросов международного сотрудничества в противодействии преступности³.

С 90-годов прошлого века термин «международное уголовное право» приобрел признание в постсоветских странах и был широко использован в наименовании учебников и научных работ⁴. Тем не менее, единой его интер-

¹ См.: Bassiouni M.C. An Appraisal of the Growth and Developing Trends of International Criminal Law // *Revue Internationale de Droit Penal.* — 1974. — № 45. — P. 405-433; Malekian F. The Monopolization of International Criminal Law in the United Nations: a Jurisprudential Approach. — Stockholm, Sweden: Almqvist & Wiksell International, 1995; International Criminal Law and Procedure / Ed. by J. Dugard, C. van den Wyngaert. — Dartmouth Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Dartmouth Publishing Company Limited, 1996; Bassiouni M.C. International criminal law conventions and their penal provisions. — Irvington-on-Hudson, New York: Transnational Publishers, 1997; Sunga L.S. Emerging System of International Criminal Law: Developments in Codification and Implementation. — Martinus Nijhoff, 1997; International Criminal Law/ Ed. by M.C. Bassiouni. — Dobbs Ferry, NY: Transnational Publishers, 1999; Saland P. International Criminal Law Principles // *The International Criminal Court. The Making of the Rome Statute Issues, Negotiations, Results/* Ed. by Roy S. Lee. — The Hague, London, Boston: Kluwer Law International, 1999. — P. 189-216; Bantekas I., Nash S., Mackarel M. International Criminal Law. — London: Cavendish Publishing Limited, 2001. — Kittichaisaree K. International Criminal Law. — New York: Oxford University Press, 2001; Cassese A. International Criminal Law. — Oxford: Oxford University Press, 2005.

² См.: Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права / П.С. Ромашкин // *Советское государство и право.* — 1948. — № 3. — С. 27-30; Ромашкин П.С. Вопросы международного уголовного права в Организации, Объединенных Наций / П.С. Ромашкин // *Советское государство и право.* — 1949. — № 2. — С. 26—35; Ромашкин П.С. Развитие советской науки международного уголовного права / П.С. Ромашкин // *Уголовное право. История юридической науки.* — М., 1978. — С. 266-307; Ромашкин П.С. Международное уголовное право на службе мира и демократии / П.С. Ромашкин // *Советское государство и право.* — 1975. — № 5. — С. 69—76; Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы международного уголовного права / М.Д. Шаргородский // *Советское государство и право.* — 1947. — № 3. — С. 21—29; Шаргородский М.Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве / М.Д. Шаргородский // *Вестник Ленинград. ун-та.* — 1947. — № 8. — С. 44—59.

³ Работами многих авторитетных советских юристов, среди которых Ю.Г. Барсегов, А.И. Бастрыкин, И.П. Блищенко, С.В. Бородин, Р.М. Валеев, В.А. Василенко, В.С. Верещетин, Л.Н. Галенская, Н.В. Жданов, В.К. Звирбуль, А.В. Змеевский, И.М. Иванова, Г.В. Игнатенко, Р.А. Каламкарян, И.И. Карпец, Ю.М. Колосов, В.Н. Кудрявцев, И.А. Ледах, В.В. Лунеев, И.И. Лукашук, Е.Г. Ляхов, В.И. Менжинский, Л.А. Моджорян, Р.А. Мюллерсон, А.В. Наумов, В.П. Панов, Ю.В. Петровский, А.И. Полтораки, Н.Н. Полянский, М.Ю. Рагинский, Ю.А. Решетов, К.С. Родионов, С.Я. Розенблит, В.М. Савицкий, Г.И. Тункин, Н.А. Ушаков, И.В. Фисенко, внесен весомый вклад в развитие теории международного противодействия преступности. В украинской юридической науке проблемы международного уголовного права рассматривались в работах В.Ф. Антипенко, В.П. Базова, М.В. Буроменского, В.Г. Буткевича, С.М. Выхриста, Н.В. Дреминой-Волок, О.В. Касинюк, С.Ф. Кравчука, А.А. Маевской, А.С. Мацко, Н.И. Пашковского, М.П. Свистуленко, Е.Л. Стрельцова, Т.Л. Сыроед, В.Н. Точиловского и многих других ученых.

⁴ См., например: Панов В.П. Международное уголовное право : учеб. пособ. / В.П. Панов — М., 1997; Международное уголовное право : учебн. пособие / Под общей ред. В.Н. Кудрявцева. — 2-е изд. перераб. и доп. — М., 1999; Лукашук И.И. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. — М., 1998; Лукашук И.И. Международное уголовное право : учеб. / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. — М., 1999; Номоконов В.А. Международное уголовное право : учебное пособие / В.А. Номоконов. — Владивосток, 2001; Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / А.Г. Кибальник. — СПб., 2003;.

претации по-прежнему не существует. Не вызывает сомнения вполне очевидный факт функционирования в правовой среде большого количества норм, регламентирующих международное сотрудничество государств в противодействии преступности. Эти нормы имеют как международно-правовое, так и национально-правовое происхождение.

При обсуждении юридической природы международного уголовного права зачастую задается вопрос: относится ли оно собственно к международному или уголовному праву? Такая постановка вопроса представляется некорректной: в данном случае нет дилеммы. Определения «международное» и «уголовное» право не противоречат друг другу, так как уголовными являются нормы, имеющие как национальное, так и международно-правовое происхождение.

Система норм, имеющих международно-правовое происхождение, претендует на «звание» международного уголовного права как отрасли международного права. Для того чтобы решить, насколько обоснованы такие претензии, нужно, прежде всего, ответить на вопрос: являются ли нормы, регламентирующие материально-правовые аспекты такого взаимодействия, уголовно-правовыми, то есть: действительно ли это уголовное право? Такая постановка вопроса предполагает обсуждение, ряда принципиальных вопросов.

Прежде всего, нужно ответить на вопрос о том, соответствует ли международное уголовное право *stricto sensu* юридической природе уголовного права, не выходит ли за его концептуальные рамки? Ответ на этот вопрос, в значительной мере, зависит от того, включаем ли мы в предмет международного уголовного права правоотношения, возникающие с совершением государством серьезного правонарушения («квазипреступления»).

Многие ученые в ответе на этот вопрос априори исходят из того, что государство, наряду с индивидом, является субъектом преступления в международном уголовном праве. Между тем государство может быть субъектом международного правонарушения и «преступной» с точки зрения этики политики, выражающейся в конкретных преступлениях индивидов, но оно *не может быть субъектом уголовно-наказуемого деяния*, то есть преступления, в его строго правовом смысле. Криминализировать акты государства не способно ни международное, ни, тем более, национальное право.

Понятие «международное преступление государства» развивалось, преимущественно, в виде морально-политических деклараций. Вспомним, что П. Дрост (*Drost*) в известном труде «Государственное преступление» (1959) развивал теорию, согласно которой «государственные акты» могут быть государственными уголовными преступлениями по международному праву (*crimes of state under international law*). Но «государственные преступления», согласно Дросту, – это не «преступления государства». Государство не может

Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право / Л.В. Иногамова-Хегай. — СПб., 2003; Бойко А.И. Международное и российское уголовное право : монография / А.И. Бойко. — Ростов-на-Дону, 2004; Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы / Н.И. Костенко. — М., 2004; Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. — М., 2009.

быть преступником. Уголовное право имеет дело с индивидуумами, воздействует на индивидуальную психологию, и его санкции применимы только к индивидуумам. Исходя из теории, рассматривающей государство как фикцию, П. Дрост утверждал: «Преступное государство есть, говоря юридически, бессмыслица; преступное правительство, наоборот, является юридической реальностью и весьма серьезным вызовом... Возможность наказания государства юридически и практически исключается. Правительства могут и должны быть наказуемыми, если международный правопорядок будет предусматривать осуществление уголовной юстиции»¹. Однако и в случае «преступности правительства» преступления всегда остаются «индивидуальными преступлениями», и уголовную ответственность за них несут физические лица.

В течение многих лет Комиссия международного права работала над согласованием Проекта статей о международной ответственности государств. Как известно, Комиссия включила в 1976 г. в Проект статью, которая производит разграничение между «нормальными» международно-противоправными действиями – деликтами, и исключительно серьезными нарушениями международного права, которые названы «*international crimes*» – международными преступлениями². На сорок восьмой сессии в 1996 г. Комиссия завершила первое чтение Проекта статей частей второй и третьей об ответственности государств. Несмотря на серьезные возражения со стороны отдельных стран³ и многих ученых⁴, принятый Комиссией текст содержал деление международных правонарушений на деликты и преступления⁵. Вместе с тем, включая термин «международное преступление» (ст. 19) в Проект статей, Комиссия подчеркнула, что его употребление не означает попытки «криминализировать» ответственность государств. Использование этого термина объяснялось необходимостью выделить особую категорию наиболее опасных международных правонарушений, а также тем, что более подходящего термина, якобы, не существует.

Заключавшаяся в ст. 19 Проекта концепция «международного преступления государства» не давала возможности четкой идентификации преступлений: она не содержала ни исчерпывающего перечня «преступных» действий, ни внятных показателей для их оценки. Недостаток проекта в этой части отмечали даже сторонники концепции международных преступлений⁶. В ходе работы над проектом статей во втором чтении Комиссия отказалась от исполь-

¹ Drost P. The Crime of State / P. Drost. — Vol. I. — Leyden, 1959. — P. 283-294, 304-305 (Цит. по: Тункин Г.И. Теория международного права / Г.И. Тункин. — С. 357).

² Yearbook of the International Law Commission II. Part 2. —1976. — P. 95-112.

³ См.: International Law Commission. Comments by France // UN Doc. A/CN.4/488. 25 March 1998.

⁴ International Crimes of State: a Critical Analysis of the International Law Commission's Draft Article 19 on State Responsibility. — European University Institute, 1989; State Responsibility. Comments and Observations Received from Governments // UN Doc. A/CN.4/488 add.1-3 (1998); Rosenne S. State Responsibility and International Crimes: Further Reflections on Article 19 of the Draft Articles on State Responsibility / S. Rosenne // New York University Journal of International Law and Politics. — 1997 — 1998. — P. 145.

⁵ См. подробнее: Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. — С. 262-288.

⁶ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! / A. Pellet // European Journal of International Law. —1999. — Vol. 10. — №. 2. — P. 425-434.

зования термина «международное преступление» в отношении государств. На своей пятьдесят второй сессии в 2000 году Комиссия приняла к сведению доклад Редакционного комитета о втором чтении проектов статей в целом, которые были в предварительном порядке приняты Редакционным комитетом¹. Статьи были включены в качестве предварительного текста в доклад Комиссии о работе ее пятьдесят второй сессии². Проект содержал главу III Части второй – «Серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом в целом». Сердцевиной этой главы явилось понятие обязательства перед международным сообществом в целом (*erga omnes*). Поддерживая исключение ст. 19, некоторые государства отметили, что «в тексте по-прежнему остаются вопросы принципиального характера» как с точки зрения определения концепции, так и ее последствий, и призвали к тому, чтобы в комментариях были даны уточнения, касающиеся связи между обязательствами, охватываемыми этой главой, и обязательствами *erga omnes* или императивными нормами³.

На пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.) Комиссия завершила рассмотрение темы «ответственность государств» во втором чтении. Комиссия решила, что использование категории императивных норм следует предпочесть предшествовавшему указанию на серьезное нарушение какого-либо обязательства перед международным сообществом в целом. Одним из преимуществ такого подхода явилось то, что понятие императивных норм уже прочно закреплено в Венской конвенции о праве международных договоров⁴. Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятые во втором чтении, содержат главу III – «Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», применяемую, согласно ст. 40, «к международной ответственности, которую влечет за собой серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права». Ст. 40 предусматривает, что «нарушение такого обязательства является серьезным, если оно сопряжено с грубым или систематическим невыполнением обязательства ответственным государством». Таким образом, для целей дифференциации правонарушений государств в проект включено понятие «серьезное нарушение государством обязательства», базирующееся на концепции императивной нормы общего международного права. Термин «международное преступление» применительно к правонарушению государства не используется.

Комментируя это положение, Комиссия указала, что, несмотря на состоявшиеся процессы и осуждение Нюрнбергским и Токийским военными трибуналами отдельных правительственных должностных лиц за преступные деяния, совершенные ими в их официальном качестве, ни Германия, ни Япо-

¹ UN Doc. A/CN.4/L.600.

² Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН, пятьдесят пятая сессия. — UN Doc. A/55/10, add. 10, глава IV.

³ Там же.

⁴ Доклад Комиссии международного права. Пятьдесят третья сессия (23 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2001 года). Генеральная Ассамблея Официальные отчеты. Пятьдесят шестая сессия. Дополнение № 10. — UN Doc A/56/10. — С. 289.

ния не рассматривались в качестве «преступных государств» в документах, учреждавших эти трибуналы. Схожий подход применялся при создании специальных трибуналов для Югославии и Руанды Советом Безопасности ООН. Оба суда рассматривают дела только отдельных лиц. В своем решении по делу Бласкича (*Prosecutor v. Blaskic*) (возражения по вопросу о приказе о явке в суд) Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии заявила, что нынешнее международное право ясно указывает на то, что государства по определению не могут быть объектом уголовных санкций наподобие тех, которые предусмотрены в национальных уголовных системах. В Римском статуте Международного уголовного суда также устанавливается юрисдикция в отношении «самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества», но эта юрисдикция ограничивается «физическими лицами» (п. 1 ст. 25). В этой же статье конкретно указывается, что ни одно положение в этом статуте, «касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву». Отказавшись от деления правонарушений государств на «преступления» и «деликты», Комиссия подчеркнула, что, тем не менее, «в статьях необходимо отразить то обстоятельство, что в области ответственности государства существуют определенные последствия, вытекающие из базовых концепций императивных норм общего международного права и обязательств перед международным сообществом в целом¹.

Очевидно, что сегодня теория международного преступления государства в ее первоначальном виде утрачивает свои позиции. На смену понятия «преступление государства» приходят новые концепции. Как подчеркивал И. И. Лукашук, закрепление в Статьях категории «серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», представляет собой значительный шаг в прогрессивном развитии этого права. «В условиях углубляющейся глобализации все большее число жизненно важных проблем человечества может быть решено лишь совместными усилиями государств. Одной из таких проблем является поддержание международного правопорядка, особенно в той части, которая касается основных прав государства и человека, – писал И. И. Лукашук. – На достижение этой цели и направлена рассматриваемая концепция»².

Признание того, что государства являются субъектами преступлений и подлежат ответственности в соответствии с международным уголовным правом, привело бы к коренной ломке всех понятий, лежащих в основе уголовно-правовой системы: от преступления до наказания. Такие революционные изменения вряд ли оправданы. Международное уголовное право строится на принципе индивидуальной уголовной ответственности; его основными категориями остаются *уголовная* ответственность и преступление как *уголовное* правонарушение. Государство не подлежит уголовной ответственности и не является субъектом преступления в уголовно-правовом смысле. Нормы, ре-

¹ Доклад Комиссии международного права. Пятьдесят третья сессия (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 года). Дополнение № 10. – UN Doc A/56/10. – С. 288.

² Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. – С. 277.

гламентирующие ответственность государств, не создают особой конструкции преступления, не влекущего за собой уголовного наказания, не включаются в международное уголовное право *stricto sensu* и, таким образом, не выводят его за концептуальные рамки уголовного права.

С другой стороны, многие ученые высказывают серьезные претензии к широкой интерпретации понятия международного уголовного права как отрасли международного права, включающей нормы, которые регламентируют различные аспекты взаимодействия национальных уголовных правосистем в международном пространстве. Так, М. В. Буроменский рассматривает международное уголовное право как совокупность международно-правовых норм, устанавливающих на данном этапе его развития преступность и наказуемость наиболее серьезных и вызывающих озабоченность всего международного сообщества посягательств на международный мир, международную безопасность и человечность¹. По его мнению, становление международного уголовного права непосредственно связано с принятием уставов международных уголовных судебных органов: Устава Международного трибунала по Руанде, Устава Международного трибунала по бывшей Югославии, Римского Статута Международного уголовного суда. Обращая внимание на то, что существующее ныне представление международном уголовном праве часто базируется на идеях и представлениях, которые существовали на рубеже XIX –XX столетий, М. В. Буроменский заключает, что такой подход является весьма широким и ведет к смешению собственно международного уголовного права с международным сотрудничеством в борьбе с преступностью, а, в конечном счете, и с национальным уголовным правом².

Действительно, если, основываясь на национально-правовом подходе, связывать понятие «уголовное право» исключительно с охранительными уголовно-правовыми отношениями (в их традиционном понимании) то «международным уголовным правом» – это право о «международном наказании», и, следовательно, им может быть названо только международное уголовное право *stricto sensu*. Если же рассматривать «международное уголовное право» как право о «международном преступлении», то в широкую трактовку международного *криминального* права можно вкладывать все международно-правовые нормы, сосредоточенные вокруг понятия «*crimen*», а это большой массив норм, регламентирующих взаимодействие национальных уголовных правосистем в реагировании на преступление и предупреждении преступности. Вне зависимости от того, будем мы говорить о существовании сформировавшейся отрасли международного права, или о гетерогенном комплексе норм, не объединенном единством метода правового регулирования и не заслуживающем «звания» отрасли права, очевидно, что эти нормы имеют между собой большую степень единства, нежели с, допустим, международным космическим правом. Очевидно и то, что этот комплекс норм нуждается в каком-то названии.

¹ Буроменский М.В. Вказ. твір. — С. 364-365.

² Там же. — С. 370.

Следует ли объединять названием «международное уголовное право» весь этот комплекс, или такого обозначения «достойна» только часть его, регламентирующая основания и порядок привлечения индивида к уголовной ответственности по международному праву, – это, в конечном итоге, не предмет спора, а вопрос договоренности. Многие аргументы сторонников узкой концепции звучат убедительно. Тем не менее, более полутора сотен лет термином «международное уголовное право» называли и продолжают называть всю эту гетерогенную массу норм. Такова реальность, на которую трудно повлиять научными изысканиями. Не исключено, что интенсивное развитие международного уголовного права *stricto sensu* приведет к тому, что строгая интерпретация этого термина вытеснит широкую концепцию, но пока она уверенно сохраняет свои позиции.

Сегодня же можно констатировать, что в международном праве сформировалась самостоятельная отрасль, получившая название «международное уголовное право». Составляющие ее нормы неоднородны. Поскольку уголовное преследование лиц, совершивших международное преступление, осуществляется в рамках национальной или международной юрисдикции, *солидарное* уголовное преследование может выражаться: а) во взаимодействии национальных юрисдикций, то есть принимать *транснациональный* характер; б) в деятельности органов интернациональной юстиции, то есть носить *интернациональный* характер в строгом значении. Соответственно, в международном уголовном праве можно выделить две подотрасли.

Первая подотрасль международного уголовного права регламентирует основания и порядок привлечения индивидов к уголовной ответственности органами международной уголовной юстиции, устанавливая редкие для международно-правовой системы вертикальные отношения, в силу чего за ней утвердилось название «международное уголовное право *stricto sensu*». Эта подотрасль регулирует не только материально-правовые основания привлечения к международной уголовной ответственности, но и международное уголовное судоустройство и судопроизводство¹. Внутри нее наметилась тенденция к обособлению процессуальных норм в «международный уголовный процесс»².

Вторая подотрасль устойчивого обозначения не получила. Она состоит из норм, которые не могут функционировать вне национального правового пространства: эти нормы либо регламентируют определенные аспекты взаимодействия национальных правосистем (например, в вопросах экстрадиции), либо являются обязательствами, влияющими на национальное право. За пределами международного уголовного права *stricto sensu* юридические отношения остаются традиционно горизонтальными. В последнее время в юридической литературе встречаются предложения определять совокупность таких

¹ Substantive and Procedural Aspects of International Criminal Law: The Experience of International and National Courts, Commentary/ Ed. by G. K. McDonald, O. Swaak-Goldman. — Kluwer Law Intl. — 1999.

² Safferling C. J. M. Towards an International Criminal Procedure / C. J. M. Safferling. — Oxford, Oxford University Press, 2003.

норм ее как «транснациональное уголовное право»¹. С этим предложением, на наш взгляд, можно согласиться.

Транснациональное уголовное право охватывает всю сферу, имеющую отношение к международному сотрудничеству в противодействии преступности, за исключением тех ее аспектов, которые относятся к международному уголовному праву *stricto sensu*, и включает в себя: 1) *транснациональное материальное уголовное право*, представляющее собой систему международно-правовых норм, направленных на регламентацию материально-правовых вопросов национальной уголовной юрисдикции и экстрадиции, а также на гармонизацию криминализации наиболее значимых в международном плане правонарушений и установления соразмерных и эффективных уголовных санкций; 2) *транснациональное процессуальное уголовное право*, состоящее, как минимум, из двух частей: а) международно-правовых норм, регламентирующих взаимодействие национальных правоохранительных и судебных органов в целях привлечения к ответственности виновных лиц («право взаимной помощи государств по уголовным делам», включая процессуальные аспекты экстрадиции); в) международно-правовых норм, направленных на оптимизацию функционирования национальных правоохранительных и судебных систем и обеспечение гарантий прав человека в уголовном судопроизводстве; 3) *транснациональное уголовно-превентивное право*, регламентирующее взаимодействие государств в предупреждении преступности.

В этом контексте международное уголовное право – концептуально связанная, последовательная и интенсивно развивающаяся сфера юриспруденции, охватывающая международные аспекты всех наук криминально-правового цикла, а также уголовно-правовые аспекты науки международного права: в этом смысле ее можно назвать комплексной. Ее предмет выходит далеко за пределы одноименной отрасли международного права. Безусловно, обозначение разных по объему и содержанию понятий одним и тем же термином крайне нежелательно и вызывает справедливую критику. Для обозначения научной дисциплины можно предложить множество других названий, однако, как показало время, мало шансов на то, что они вытеснят из научного оборота использовавшийся в течение многих десятилетий термин «международное уголовное право».

Находясь в сфере науки международного права, международное уголовное право не перестает быть частью уголовной юриспруденции. Нужно признать, что сегодня требование однозначного и жесткого разграничения вопросов национального и международного уголовного права является неадекватным. Следовательно, можно говорить о тенденции сглаживания такого разграничения. Преступление, став международным, не перестает быть преступлением. Принадлежность международного уголовного права к уголовной юриспруденции не вызывает ни малейших сомнений.

¹ См.: Зелинская Н.А. Транснациональное преступление и транснациональное право / Н.А. Зелинская // Актуальні проблеми політики : зб. наук. праць. — Вип. 15. — Одеса, 2002. — С. 287-293; Boister N. «Transnational Criminal Law»? / N. Boister // European Journal of International Lawl. — 2003. — Vol. 14. — №. 5. — P. 956, 963.

Принадлежность норм, регламентирующих антикриминальное взаимодействие государств, к международно-правовой и национально-правовой системам на лишает международное уголовное право его феноменологического единства. Это единство обеспечивается тем, что оно сосредоточено на изучении преступного и уголовно-наказуемого поведения, мер реагирования на него и его предупреждения в международном масштабе. Уголовное преследование, пресечение и предупреждение международных преступлений осуществляется посредством мер, принимаемых как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Так как международным уголовным правом занимаются специалисты международного и уголовного права, они используют различные подходы при изучении одних и тех же вопросов. «Хотя несогласие между специалистами по уголовному и международному праву может временно создавать проблему недостаточности доктринального единства, именно объединение этих двух отраслей юриспруденции в одно целое придает международному уголовному праву его силы и жизнеспособность»¹.

Криминализация – определение сферы уголовной репрессии – является выражением законодательной юрисдикции государства и представляет собой логическое следствие национального суверенитета. В силу этого международные преступления являются, преимущественно, национальными по происхождению уголовно-правового запрета. Однако присущий государству суверенитет не влечет за собой исключительность права отдельных государств устанавливать преступность и наказуемость человеческого поведения. Мировое сообщество озабочено поиском баланса между свободой и безопасностью. Современная концепция международного уголовного права должна обеспечить, с одной стороны, потребности международной кооперации государств в борьбе с преступностью и, с другой стороны, предоставить защиту лицам, подвергаемым политическим преследованиями. Солидарность в подавлении преступности не должна перерасти в содействие политическим репрессиям.

В условиях глобализации преступности внутригосударственное уголовное право может и должно быть подвержено гармонизации. Этого требуют условия современного взаимосвязанного и взаимозависимого мира. Ссылки на государственный суверенитет в данном случае неоправданны, поскольку совместная борьба с преступностью отвечает интересам государства и способствует укреплению суверенитета, в то время как преступность расшатывает устои современного миропорядка.

Необходимо обеспечить концептуально-нормативную общность правовой регламентации противодействия преступности. Этому, в значительной мере, способствует заключение многосторонних соглашений, содержащих обязательные либо настоятельно рекомендуемые стандарты криминализации серьезных правонарушений. Формулировки, содержащиеся в таких соглашениях, являются следствием компромисса, неизбежного для достижения консенсуса. Они, как правило, содержат в себе необходимый и достаточный минимум при-

---

¹ International Criminal Law and Procedure / Ed. by J. Dugard, Ch. van den Wyngaert. – Dartmouth Publishing Company Limited, 1996. – P. 9.

знаков, относительно включения которых в качестве элементов состава преступления договорились государства.

В отношении преступлений, имеющих тенденцию к транснационализации, необходима выработка всеобъемлющего подхода, составной частью которого должна стать адаптация договорных стандартов криминализации к национальному уголовному праву, а также установление эффективных, пропорциональных и обладающих предупредительным эффектом санкций. Противоречия между договором и национальным законодательством не освобождают государство от выполнения обязательств, поскольку национальный закон может и должен подвергаться согласованным на международном уровне изменениям. Однако отдельные изменения норм национального уголовного права, без корректировки и гармонизации всей его системы, оставляют эти нормы в правовом вакууме.

В этой связи следует подчеркнуть сложность стоящей перед Украиной задачи приведения своего законодательства, в том числе уголовного, в соответствие с международно-правовыми обязательствами. Наше государство стремится к активному сотрудничеству в сфере противодействия преступности. Угроза, которую несет в себе международная преступность, настоятельно требует проявления политической воли и готовности к межгосударственному взаимодействию. Затягивание принятия и ратификации договоров по вопросам противодействия преступности является неоправданным. В то же время без углубленной и системной работы, предшествующей ратификации, участие государства в международно-правовых соглашениях в сфере международного уголовного права неэффективно и представляет собой не более чем декларацию. По нашему мнению, необходимо провести комплексный и детальный мониторинг уголовного законодательства Украины с точки зрения его соответствия международным стандартам криминализации. Каждый законопроект о внесении изменений в уголовное законодательство должен проходить научную экспертизу на соответствие его международным уголовно-правовым стандартам.

Характер и масштабы современной преступности требует глобального реагирования на основе широкого международного сотрудничества при условии соблюдения прав человека. Не вызывает ни малейшего сомнения необходимость функционирования действенной системы международной уголовной юстиции, обеспечивающей судебное преследование международных преступников в соответствии с фундаментальными принципами международного права и при неуклонном соблюдении прав человека. Создание Международного уголовного суда вселяет надежду на то, что мировому сообществу удастся разорвать замкнутый круг преступности и безнаказанности. Правовое обеспечение эффективности международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, имплементация международных стандартов уголовного права и правосудия являются одной из приоритетных задач законотворческой деятельности и юридической науки.